

УДК 39 (470.62/.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-7-13

КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЧЕРКЕССКИЕ КОРНИ ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ «КАМАРА» И «КАМАРИТЫ»

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bbarasbi@yandex.ru

Поставленная проблема рассматривается в плоскости греко-абхазо-адыгских культурных связей периода античности. Отмечено, что термин «камариты» служил для греков синонимом собирательного этнического имени «гениохи», который был, в свою очередь, общим наименованием древних абхазо-адыгских племен Восточного Причерноморья (зигов, ахейцев, керкетов, санигов, абазгов, апсиллов). Возникновение термина «камариты» было обусловлено тем, что владея боевыми лодками – камарами, указанные племена вели пиратский образ жизни. Особое внимание уделяется этимологии термина «камара». Показано, что так же, как и этноним «гениохи», это слово имеет абхазо-черкесские корни, что вплоть до XX в. термин «камара» в виде *кѳуашьомар/кѳуэмар* использовался причерноморскими черкесами для обозначения класса боевых лодок.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, греки, гениохи, абхазо-адыгские племена, «камариты», «камары», боевые лодки.

В источниках античного времени пиратский образ жизни и использование для этого боевых лодок под названием *камара*, *кацара* называют обычно как наиболее характерную черту всех гениохских племен, включая зигов, ахейцев, керкетов. И это позволяет понять, почему эти племена объединяют иногда под названием камаритов. Например, Евстафий пишет, что в Восточном Причерноморье за Керкетом, страной керкетов, лежащей у Кавказа, живут ахейцы, гениохи и зиги, происходящие от пелазгов¹. И затем определяет их как «большое племя камаритов, которые носят это название от употребляемых ими круглых разбойничьих судов, которые у эллинов назывались «камарами». Это были небольшие узкие и легкие ладьи, вмещавшие до 25 и редко до 30 человек...»².

О «восточном народе иберов» и о камаритах (гениохах), как о самых главных народах между Каспийским и Черным морем пишет также Дионисий Перизетгет: «Здесь Фасис, катясь по поверхности Киркейской равнины, извергает в волны Эвксина свои быстрые пенные воды, получив свое начало у Арменийской горы. К северо-востоку от него лежит перешеек между Каспийским и Эвксинским морями. На нем живет восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами, и *большое племя камаритов...*»³ (выделено мной. – Б.Б.).

Встречаются, кроме того, упоминания «знаменитых поселений камаритов» между Трапезундом и Фасисом» (Аммиан Марцелин, XXII. 8. 24), кавказского «племени камаритов, очень любимых Вакхом» (Присциан. 644–721) и т.д.

Термин «камариты» во всех этих случаях служит заменой собирательного этнического имени «гениохи», включая сюда все древние абхазо-адыгские племена Восточного Причерноморья: зигов (зихов), ахейцев, керкетов, санигов, абазгов, апсиллов. Дополнительно к этому он указывает на то, что речь идет о племенах, имеющих боевые лодки «камары», используя которые они нападают на проплывающие суда и ведут пиратский, разбойничий образ жизни. Наиболее подробную запись об этом оставил Страбон:

«После Синдской области и Горгииппии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа. Эти народности живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки вместимостью приблизительно до 25 человек, редко – до 30; у греков они называются «камарами». Как говорят, эту Ахею заселили фтиотийские ахейцы из войска Иасона, а лаконцы поселились в Гениохии; предводителями последних были Крекас и Амфистрат – возницы Диоскуров; по всей вероятности, гениохи получили свое имя от них. Снаряжая флотилии таких «камар» и нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море. Иногда им помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки, рынок для сбыта добычи. Когда они возвращаются в родные места, то при отсутствии корабельных стоянок им приходится на плечах переносить «камары» в леса, где они и живут, обрабатывая скудную землю. Когда же наступает время плавания, они снова несут свои лодки к берегу. Точно так же поступают они и в чужих странах, где им хорошо известны лесистые места; там они прячут свои «камары», а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей для продажи в рабство»⁴.

Таким образом, два различных и сложных по своему происхождению и культурному содержанию термина – «гениохи» и «камариты» стали для древних греков, а через них и для древних римлян обозначением всех абхазо-адыгских народов Восточного Причерноморья, за исключением синдов. Конечно, эти термины были не абсолютными синонимами, а лишь идеографическими (стилистическими).

Следует сказать в данной связи, что в традиционном греческом сознании этноним «гениохи» ассоциировался с представлениями о родственной связи народов под таким названием с пеласгами и вследствие этого также и с греками⁵. Тем самым греки выделяли абхазо-адыгские племена из общей массы жителей Восточного Причерноморья. Они рассматривали их как особый тип варваров, родственников им и культурных по происхождению, но огрубевших вдали от цивилизации в суровых условиях Западного Кавказа⁶.

Термин «камариты», в отличие от этого, закреплял за абхазо-адыгскими племенами двойственный образ смелых, искусных, но диких и безжалостных пиратов и торговцев рабами. Отсюда, с одной стороны, пиетет, с которым, судя по источникам, относились греки и римляне к камаритам. А с другой, – осуждение этих племен за жестокость и разбойничий образ жизни, за захват судов, людей и имущества в открытом море, в прибрежных городах и портах. Страбон и другие античные писатели сообщают о безуспешных попытках греческих наместников, а также местных правителей бороться с этими пиратами. К числу наиболее успешной борьбы с пиратством на Черном море называют при этом действия Боспорского царя Евмела (310–304 гг. до н.э.). Он, по словам Диодора Сицилийского, «вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством – гениохами, таврами и ахеями» и «присоединил значительную часть соседних варварских земель»⁷.

За всем этим стояла на самом деле ожесточенная борьба гениохских племен с греческими и затем римскими завоевателями и колонистами. Действия камаритов в акватории Черного моря были средством защиты от проникновения греков и римлян все дальше вглубь материка, средством выживания, самосохранения

народа. При этом пиратство как средство обогащения и торговли рабами развилось сначала в самом греческом обществе. Затем оно перекинулось с Эгейского моря (с острова Крит, Киликии и других районов) на Черное море⁸. Поэтому активность камаритов на Черном море греки воспринимали ревностно как угрозу их присутствию и господству на Западном Кавказе. Не переставая вместе с тем восхищаться умением местных жителей вести позиционную, партизанскую войну, используя для этого свои легкие и грациозные боевые лодки.

Сложилась вследствие всего этого и традиция считать слово «камара», *καμαρα* исконно греческим⁹. В древнегреческих словарях оно представлено как «судно со сводчатым (арочным) покрытием»¹⁰. Однако в самом греческом языке слово *καμαρα* не имеет внутренней мотивации и формы. Это означает, что указанное толкование навеяно только внешним видом и конструкцией гениохских камар. Более чем красноречиво свидетельствует описание камар в известном труде римского историка Корнелия Тацита, ср.:

«Варвары с удивительной быстротой понастроили себе кораблей и безнаказанно бороздили море. Корабли эти называются у них камары, борта их расположены близко друг к другу, а ниже бортов корпус расширяется; варвары не пользуются при постройке кораблей ни медными, ни железными скрепами; когда море бурно и волны высоки, поверх бортов накладывают доски, образующие что-то, вроде крыши, и защищенные таким образом барки легко маневрируют. Грести на них можно в любую сторону, эти суда кончаются острым носом и спереди, и сзади, так что с полной безопасностью могут причаливать к берегу и одним, и другим концом»¹¹.

По всей видимости, эти лодки, определявшие во многом быт и образ жизни местных племен, имели свое, особое «туземное» название и, скорее всего, оно и лежит в основе заимствованного греками у этих племен термина *камара*. Одним словом, исходное обозначение гениохских лодок может быть только абхазским, убыхским или черкесским. Но скорее всего, черкесским, и не только потому, что черкесский язык был преобладающим для абхазо-адыгских народов Восточного Причерноморья, но еще и по той причине, что черкесское обозначение лодки или судна *къуашьо/къуафэ* гораздо больше напоминает термин *камара*, чем абхазские и убыхские аналоги данного понятия: абх. анышь – лодка, азандал – корабль¹², убых. уэва, γαβα – «корабль»¹³.

К поиску исходного адыгского слова, на основе которого возник греческий термин *καμαρα* (камара), предрасполагает еще одно весьма существенное обстоятельство. А именно: прочная связь традиций и обычаев мореходства, сложившихся в древности у гениохов, с теми, что сохранялись в течение двух тысячелетий и были живы еще в XIX в. в этих же самых местах у черкесов. Обращая внимание на стойкость этих традиций, Фр. Дюбуа де Монпере, совершивший в 1833 году путешествие на русском военном корабле вдоль всего Черноморского побережья Кавказа, писал:

«Выше я изобразил черкесов такими, какими их изображает Страбон. Невольно умляешься, как мало изменений совершилось с тех пор среди этих пиратов. В наши дни, как и тогда, у них те же легкие галеры, которые греки называли «камара», а они сами называют «каф», или «куафа», только сейчас они немного больших размеров. Это узкие ладьи с килем, длиной в 50 футов. Во времена Страбона они поднимали 25–30 человек, теперь же в них помещается 40–60 человек, из которых две трети гребут. Не имея мачт, эти низкие галеры ускользают от взоров вдоль берега; если пиратов преследуют слишком близко, их галеры так легки, что команда может вытащить их на берег и даже спрятать в лесу. Говорят, что в случае необходимости шапсуги, убыхи, саши или сахи могут снарядить 40 галер»...¹⁴

По следам своих путешествий в Черкесию в 1818 и в 1823–1824 гг. аналогичным образом описал черкесские лодки Тебу де Мариньи, а затем снабдил титул своей

книги «Путешествие по Черкесии» (в ее английском издании) рисунком одной из таких лодок с подписью *Circassian War-Boat* – «Черкесское военное судно»¹⁵ (рис. 1).

Дюбуа, в свою очередь, дополнил свои наблюдения сообщением о том, как называли черкесы свои галеры или боевые суда на родном языке, и упоминает в числе этих названий термин *камара*. «Эти галеры, – пишет он, – называются по черкесски «каф» (*kaf*) или «куафа» (*kuafa*), а также «камара» (*kaмага*); по-абхазски «акба» (*akhbat*); на языке турецком «геме» (*geme*)»¹⁶.

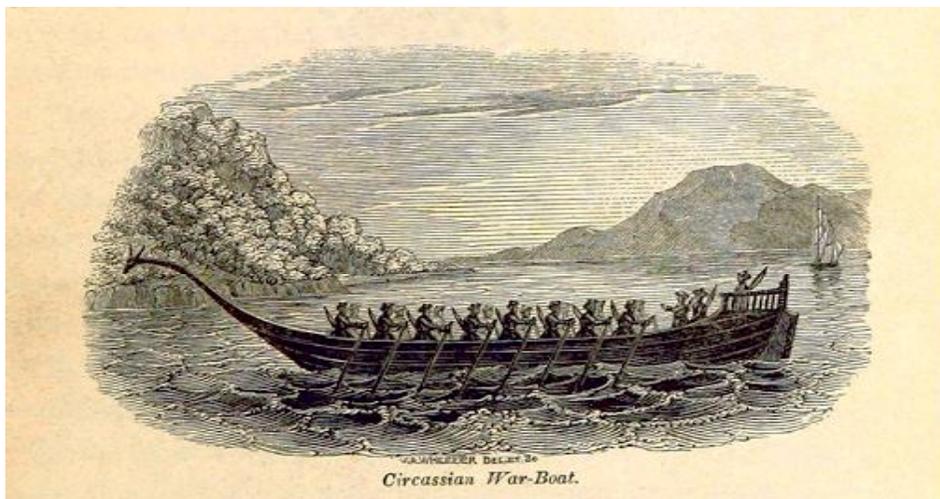

Рис. 2. Черкесская боевая лодка – галера (начало XIX века)

Из этого следует, что во времена пребывания Дюбуа в Черкесии (1833 год), адыги, наряду с обычным обозначением боевых лодок *кѳуашъ/кѳуашъо/кхѳуафѳэ*, использовали и древнее (упоминавшееся в сочинениях античных писателей) название *камара* или другое, но очень близкое (по звучанию) к этому термину слово.

В начале прошлого века на это обратил внимание и А.Н. Генко. По его словам, «термин «камара», служивший древним керкетам и гениохам для означения их военных лодок, сохранился, судя по некоторым указаниям в литературе, до новейших времен»¹⁷. О том же пишет вслед за ним Инал-Ипа, ср.: ««камара» – местный черкесо (– абхазский?) термин, бывший в употреблении еще в первой половине прошлого столетия»¹⁸.

Приняв к сведению всю эту весьма важную информацию, нам остается только ответить на вопрос, о каком именно адыгском термине, близком по звучанию к термину «камара» идет речь в трудах Дюбуа де Монпере, А.Н. Генко и Ш.Д. Инал-Ипа. И, таким образом, попытаться объяснить термин «камара» средствами адыгского языка.

В нашем понимании, слово *камара* распадается на две самостоятельные части: *ка-мара*. При этом первый компонент восходит к черкесскому слову *кѳуашъо/кхѳуафѳэ* – «лодка», а второй к устаревшему слову *кѳуашъо/кхѳуафѳэ* – «боевое оружие». Каждая из этих основ является, в свою очередь, сложным словом, состоящим из двух лексических единиц. При этом нижнечеркесское (кяхское или адыгейское) слово *кѳуашъо* состоит, вне всякого сомнения, из лексических морфем *кѳо* – «кабан» и *шъо* – «кожа», наглядно демонстрируя, что для обозначения лодки в черкесском языке была использована лексика, взятая из древней, практиковавшейся многими народами, технологии обшивки лодки кожей диких животных. Отсюда и соотносимое с адыгским *кѳуашъо/кхѳуафѳэ* слово *σκαρη* [skaphe. ská. p^he:] «лодка, челнок, желоб, корыто» в древнегреческом языке. Что напоминает

лишний раз об уходящем своими корнями в далекое (пеласгийское) прошлое родстве греческого и черкесского языков.

Итак, нам удалось восстановить, – и сравнительно легко, – первую часть термина *ка-мара*. Она восходит к слову «лодка», «челнок» и является, по всей видимости, общим для черкесского и греческого языков, но объяснимо лишь на почве черкесского языка.

Гораздо трудней установить конкретное значение и внутреннюю форму термина *марыхъу*, которое используется самостоятельно и в паре с термином *марыбз* в кабардинском варианте адыгского нартского эпоса, в сюжете о поединке Тотреша и Сосруко. В академическом издании адыгского нартского эпоса дается явно ошибочный перевод этих терминов в виде личных имен: Марух и Марыбз¹⁹. В большом словаре кабардино-черкесского языка предлагается иное толкование: *марыхъу* – «портной», *марыбз* – «портниха». Кроме того, для слова *марыхъу* в качестве второго значения отмечено также: «вид старинного, холодного оружия», «меча»²⁰. Хотя ничего не сказано при этом, каким образом эти значения объединяются, «уживаются» в одном и том же слове, понятно, что исходным для термина *марыхъу* является в любом случае значение холодного оружия.

По всей вероятности, перед нами сложное слово, состоящее из трех элементов: 1. *ма/мэ* – «орудие», «инструмент», 2. *хъу/хъуэн* – «точить», «тереть», «скоблить», 3. семантического множителя (семемы) *-ры-*, который выполняя здесь роль интерфикса, соединяет две предыдущие корневые морфемы в одну и придает созданному таким образом сложному слову орудное значение²¹. В нартском эпосе богатырь Тотреш, вогнав нарта Сосруко по колено в землю пускает в ход сначала именно это оружие и, таким образом, нейтрализует, устрашает, приводит его в трепет, а затем вынимает нож, чтобы отсечь голову:

И мэрыхъу щигъабзэри,
И сэжьейри кърихъу,
Щхъэ фIэхъыным щыхуэкIуэм...²²

Свой марух приставил,
Свой нож вынул,
И когда собрался голову отсечь ...

Из всего сказанного следует, что термин *марыхъу* в нартском эпосе адыгов является даже не столько обозначением какого-либо конкретного вида оружия, сколько передачей способа использования определенных видов холодного оружия, для устрашения, деморализации и капитуляции противника. Поэтому как противопоставление такому способу использования холодного оружия используется в нартском эпосе собирательное слово *мэ-ры-бз* с лексической морфемой *бзын* – «резать» в конце слова.

В конечном итоге слово *мэрыхъу* предстает как собирательный образ эффективного средства, инструмента или оружия, способного парализовать противника, заставить его сдаться. По всей видимости, камара считалась именно таким высокоэффективным орудием устрашения и принуждения к капитуляции проплывающих судов. С последующим захватом грузов и обращением в рабство членов экипажа и пассажиров.

Легко представить после всего сказанного, каким образом формировался термин «камара». С самого начала он объединил в себе два черкесских слова: *къуашьо/къуафэ* и *марыхъу*, создавая, таким образом, этимон *къуашьомарыхъу*, исходный для обозначения боевой лодки гениохов. Не исключено, что еще в древности этимон *къуашьомарыхъу* был преобразован сначала в *къуашьомарэ* и, в конце концов – в *къуэмарэ* вследствие акцентно-фонетических процессов экономии (абсорбция, синкопа), которые привели к выпадению в исходном слове второго слога – *шьо* и усечению в нем конечного звука *хъу*.

Возникая, в результате соединения слов *кѳуашѳо/кѳѳуафѳэ* и *марѳхѳѳу*, этимон *кѳуашѳомарѳхѳѳу*, как мы видим, выполнял в древнечеркесском языке роль неявной, мыслимой или внутренней формы слова, утвердившегося для обозначения боевой лодки гениохов. Получилось в итоге легко произносимое слово *кѳуашѳо-марѳэ/кѳѳѳмарѳэ*, на основе которого возникло греческое слово *каѳара*, как передача туземного (гениоховско-черкесского) обозначения боевого гребного судна со сводчатым верхом.

И последнее, о чем необходимо сказать. Судя по сообщениям Дюбуа де Монпере, термин *кѳѳѳмарѳа/кѳѳѳмарѳэ*, как обозначение боевой лодки, близкое по звучанию к греческому *каѳара*, *каѳара*, сохранялось в активном словаре причерноморских черкесов до XIX в. наряду с обычным словом лодка – *кѳуашѳо*. Иначе говоря, *кѳѳѳмарѳэ* – это слово, которое еще Дюбуа постоянно слышал из уст черкесов, с которыми он общался. По всей видимости, местные жители употребляли это слово в тех случаях, когда нужно было подчеркнуть, что речь идет не об обычном судне – *кѳѳуашѳо/кѳѳѳуафѳэ*, а о военном, приспособленном к боевым действиям – *кѳѳуашѳомарѳэ/кѳѳѳмарѳэ*.

После геноцида и изгнания причерноморских адыгов из Западного Кавказа слово *кѳѳѳмарѳэ* стало малоупотребительным и затем вовсе исчезло вместе с носителями языка и культуры этой части черкесского народа. Но сейчас есть все основания реанимировать термин *кѳѳѳмарѳэ* и соответственно по новому взглянуть на все, что связано с каѳарами и каѳаритами античных писателей, рассматривая эти сведения как важный элемент древней истории и образа жизни черкесского народа.

Примечания

1. *Евстафий*. Комментарии к «Землеописанию» Дионисия. 680, 687.
2. *Евстафий*. Указ. соч. С. 700.
3. *Дионисий Перизетт*. Описание населенной земли. С. 652–710.
4. *Страбон*. География. XI. 2. 12.
5. *Бгажноков Б.Х.* К культурной истории майкопско-анатолийских племен (гениохи и Гениохия) // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2017. Вып. 7. С. 33–60.
6. *Asheri D.* The Achaeans and the Heniochi. Refletions on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 1998.
7. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. XX, 25.
8. *Tsetsckhladze G.R.* Black Sea Piracy//The Black Sea Region in the Greek, Roman and Byzantine Periods. Talanta XXXII–XXXIII, 2000–2001. Amsterdam, 2002. P. 11–15.
9. *Брашинский И.Б.* Понтийское пиратство // Вестник древней истории. М., 1963. № 2. С. 126; *Tsetsckhladze G.R.* Idem. P. 11.
10. *Sophocle E.A.* Greek lexicon of the roman and bezantine periods. Cambridge, Leipzig, 1914. P. 624.
11. *Корнелий Тацит*. История. III. 47.
12. Русско-абхазский словарь. Сухуми, 1964. С. 313, 392.
13. *Dirr Ad.* Die Sprache der Ubychen. Leipzig, 1928. S. 77.
14. *Dubois de Montpereux F.* Voage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. Paris, 1839. Vol. 1. P. 169.
15. *Taitbout de Marigny J.-V.-E.* Three Voyages in the Black See to the Coast of Circassia. London, 1837.
16. *Dubois de Montpereux F.* Ibid.
17. *Генко А.Н.* О языке убыхов // Известия АН СССР. М., 1928. № 3. С. 228.
18. *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965. С. 283.
19. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: «Наука», 1974. С. 62–63, 211.
20. Адыгэ псалъалэ (Словарь кабардино-черкесского языка). М.: «Дигора», 1999. С. 509.

21. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. С. 118; Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. Нальчик, 1980. С. 314–315.

22. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. (Нарты. Кабардинский эпос). Нальчик, 1995. С. 103.

CULTURAL CONTENT AND CIRCASSIAN ROOTS GREEK TERMS «CAMARA» AND «CAMARITES»

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The problem posed is considered in the plane of the Greek-Abkhaz-Adyg cultural ties of the period of antiquity. It is noted that the term «camarites» served for the Greeks as a synonym for the collective ethnic name «geniokhi», which was, in turn, the common name of the ancient Abkhaz-Adyg tribes of the Eastern Black Sea region (zygov, Akheyans, kerkets, Sanigov, Abazgs, Apsils). The emergence of the term «camarites» was due to the fact that owning combat boats – camaras, these tribes led a pirate lifestyle. Special attention is paid to the etymology of the term «Camara». It is shown that just like the ethnonym «geniokhi» this word has Abkhaz-Circassian roots, which up to the XX century. The term «Camara» in the form of *къуашьомар/къуэмар* was used by the Black Sea Circassians to denote the class of combat boats.

Keywords: Eastern Prichernomorie, Greeks, Geniokhs, Abkhaz-Adyg tribes, «Camarites», «Camara», combat boats.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-7-13